

Кара-оол Любовь Салчаковна

ПОНЯТИЕ "ВЕСНА" В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ: ВЕСЕННИЕ МЕСЯЦЫ

В статье раскрывается содержание концептов "весна", "весенний месяц" в контексте языковой картины мира тувинцев и выявляются основные лексические средства, выражающие их. Наравне с общепринятыми наименованиями весенних месяцев рассматриваются диалектные и просторечные формы, зафиксированные во время диалектологических экспедиций и из использованной литературы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/11-2/25.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 11(65): в 3-х ч. Ч. 2. С. 89-94. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список литературы

1. **Ионина А. А.** Особенности перевода сложных синтаксических конструкций в современном английском языке // Актуальные вопросы лингвистики, литературоведения, лингводидактики: материалы II Научной сессии МГПУ. 2009. С. 55-61.
2. **Ионина А. А.** Отражение национальной специфики в грамматических структурах Russian English // Язык и культура в эпоху глобализации: в 2-х ч. 2015. Ч. 1. С. 50-56.
3. **Ионина А. А.** Языковой контакт как социологический фактор изменения грамматической системы английского языка // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2012. № 1 (17). С. 114-121.
4. **Ионина А. А.** Global English: и факты // Вестник Московского городского педагогического университета. Филология. Теория языка. Языковое образование. 2013. № 1 (11). С. 20-29.
5. **Прошина З. Г.** Динамика развития английского языка в его региональных вариантах // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Серия: Филология. Т. 2. № 18. С. 202-206.
6. **Прошина З. Г.** Легитимность вариантов «неродного» английского языка // Личность. Культура. Общество. 2011. Т. XIII. В. 4 (67-68). С. 164-165.
7. **Полевой материал автора Иониной А. А. М., 2012.** Московский государственный педагогический университет. Сентябрь-декабрь
8. **Полевой материал автора Иониной А. А. М., 2014.** Московский государственный педагогический университет. Сентябрь.
9. **Полевой материал автора Иониной А. А. М., 2015.** Московский государственный педагогический университет. Апрель-май.
10. **Чикало Н. А.** «Синтаксическая лаборатория» или роль аналогии в объяснении фактов диахронического синтаксиса: результативные конструкции английского языка // Вестник Московского городского педагогического университета. Филология. Теория языка. Языковое образование. 2011. № 1. С. 120-125.
11. **Britain D.** Grammatical variation in the contemporary spoken English of England // The Routledge Handbook of World Englishes / ed. by A. Kirkpatrick. Routledge, 2010. P. 37-58.
12. **Davydova J.** The Present Perfect in Non-Native Englishes. A corpus-based study of variation. Berlin: De Gruyter Mouton, 2011. 279 p.
13. **Russian English: History, Functions and Features** / eds. Z. Proshina, A. Eddy. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 328 p.
14. **Thomason, S. G., Kaufman T.** Language contact, creolization, and genetic linguistics. Berkeley: University of California Press, 1988. 398 p.

SYNTACTIC FEATURES OF MODERN ENGLISH USED IN RUSSIA

Ionina Anna Al'bertovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Moscow City University
annaionina@mail.ru

The article considers the process of diversification of the English language as the language of global communication. It is the main object of the study of variantology. The author analyzes a number of distinctive syntactic features of the Russian variant of the English language (Russian English): word order in a sentence, peculiarities of the use of some questions, negative sentences and syntactic complexes. Special emphasis is on the factors under the influence of which the syntax of the English language used in Russia is formed.

Key words and phrases: syntax; variation; word order; syntactic complexes; grammatical interference; mezolect.

УДК 493.3-943.84

В статье раскрывается содержание концептов «весна», «весенний месяц» в контексте языковой картины мира тувинцев и выявляются основные лексические средства, выражающие их. Наравне с общепринятыми наименованиями весенних месяцев рассматриваются диалектные и просторечные формы, зафиксированные во время диалектологических экспедиций и из использованной литературы.

Ключевые слова и фразы: концепт «весенний месяц»; лексемы; выражения; изафет; общетюркский; диалектное слово; просторечная форма; этимология.

Кара-оол Любовь Салчаковна, к. филол. н., доцент
Тувинский государственный университет, г. Кызыл
lkaraool61@mail.ru

ПОНЯТИЕ «ВЕСНА» В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ: ВЕСЕННИЕ МЕСЯЦЫ

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ 12-11-17600/е и РГНФ 16-21-03002.

Лексемы и устойчивые фразеосочетания, обозначающие наименования месяцев в тувинском языке, несут интересную информацию о мировоззрении и культуре тувинского народа. Историография данной темы рассмотрена нами в статье «Понятие “месяц” в тувинском языке: зимние месяцы» [6].

В данной работе анализируются лингвокультурные концепты *час* «весна» и *часкы айлар* «весенние месяцы» на основе словарных и текстовых материалов тувинского языка, а также полевых материалов, собранных во время диалектологических экспедиций.

Час 'весна' [29, с. 521] – время года, следующее за зимой и предшествующее лету, когда вся природа оживает заново после холодной зимы.

Понятие 'весна' в формах *йаз*, *жаз* зафиксировано во многих тюркских языках, ср. с *час* в хакасском, тувинском и тофаларском языках. Большинство исследователей указывают на тюркско-монгольское происхождение данного слова [18, с. 71].

В тувинском языке лексема *час* употребляется и в переносном значении, например, *чуртталгамның чазы* букв. 'весна жизни [моей]' (о молодости): тюркский изафет выражен сущ. в посессивной форме 1 л., Р.п. *чуртталгамның* 'жизни [моей]' – производная основа *чурт* 'страна', 'край', 'местность' является общетюркской и первичным значением считают 'участок земли на кочевье' [Там же, с. 254] и сущ. в посессивной форме 3 л. *чазы* 'весны [ее]', см. *час* выше.

Часкы айлар 'весенние месяцы' – атрибутивное словосочетание, первый компонент которого образован от именной тюркско-монгольской основы *час* 'весна', см. выше, с помощью афф. -*кы*, который зафиксирован во многих тюркских языках и чаще всего образует прилагательные, обозначающие различные времена года: кирг. *чазгы* 'весенний', гаг. *кышкы* 'зимний', якут. *са:скы* 'весенний' и т.д. [20, с. 118]; главное слово выражено общетюрк. *айлар*, см. *ай* 'луна', 'месяц' и под. [19, с. 98-99; 23, с. 76].

Первый месяц весны – *уш ай* 'март'

Первый месяц весны в тувинском языке обозначается синтаксически несвободным словосочетанием *уш ай* букв. 'третий месяц', т.е. третий месяц календарного года 'март' [14, с. 247]: атрибутивное словосочетание состоит из двух общетюркских компонентов, см. *уч* 'три' [19, с. 641], *ай* 'месяц' [19, с. 98-99; 23, с. 76].

В качестве синонимов фразеосочетания *уш ай* в разговорном тувинском языке и диалектах используются выражения, связанные а) со **временем наступления** первого весеннего месяца:

1) *частың башкы айы* букв. 'первый месяц весны' или *частың эге айы* букв. 'начальный месяц весны', например, говорят: *Частың башкы айында карандылар көстүп келир.* / 'Проталины появляются в первый месяц зимы'.

Устойчивое словосочетание *частың башкы айы* состоит из следующих компонентов: сущ. *частың* в форме Р.п. от тюркско-монг. *час* 'весна' [18, с. 71]. Второй компонент *башкы* [пашкы] (Несоответствие буквы «б» и звука [п] (или «д» и [т]) в анлауте слова объясняется тем, что слабая фонема [п] или [т] произносится «с весьма слабым озвончением», т.е. реализуется как ненапряженный непродыхательный глухой или полувзвонкий аллофон [22, с. 624]. Специфический фарингализованный гласный обозначен в транскрипции знаком «ь». При артикуляции этого звука «мускулы в стенках глотки, в том числе и мускулы корня языка, сближаются, отделяя собой нижнюю часть глотки в виде особого резонатора, а гортань отходит вниз, увеличивая тем объем нижнего глоточного резонатора» [8, с. 23]) 'первый', 'передний', 'ближний', 'южный' [27, с. 233] – от общетюрк. *баш* 'голова', 'вершина', 'начало' [23, с. 199]. Последний компонент словосочетания выражен общетюркским словом в посессивной форме 3 л. *айы* букв. '[ее (весны)] месяц', см. *ай* 'луна', 'месяц' [19, с. 98].

Лексема *эге* [эьгэ] из второго примера в тувинском языке используется в значениях 'начало/ начальный', 'заголовок', 'глава' [29, с. 604], и, скорее всего, заимствована из монгольского языка, см. *эх(эн)* 'начало, источник', 'начальный, первый' [4, с. 441].

2) *эрте чазын* букв. 'ранней весной' – первые недели марта: атрибутивное словосочетание состоит из общетюрк. *эрте* 'рано', см. *ерте* 'рано' и под. [19, с. 302] и *чазын* 'весной' – старой формы инструментального падежа на -н производной от тюркско-монгольского *час*, см. *йаз* 'весна' [18, с. 71].

б) с природно-климатическими особенностями:

1) *хар бажы чиир ай* букв. 'месяц, съедающий поверхность снега': атрибутивное сложное словосочетание состоит из общетюркских компонентов, см. *қар* 'снег' [33, с. 284]; сущ. в посессивной форме 3 л. *бажы* [пашы] от *баш* 'голова', 'глава', 'вершина, верхушка, макушка', 'начало' [16, с. 91-92; 23, с. 204]; гл. *чиир* в значении 'есть' встречается и тофаларском [12, с. 147]; *ай* 'месяц' и под. [19, с. 98-99; 23, с. 76].

2) *өл харлыг ай* букв. 'месяц с мокрым снегом'. Данное сложное атрибутивное словосочетание зафиксировано в тоджинском диалекте [10; 11, с. 289; 32, с. 68], цагаан-нуурском говоре тувинского языка (Монголия) [9, с. 50; 10]. Компоненты данного словосочетания выражены общетюрк. *өл* с основным значением 'мокрый, сырой, влажный' [19, с. 524], *харлыг* 'снежный' – от общетюрк. *хар* 'снег', см. *қар* 'снег' [33, с. 284]; *ай* 'месяц' [19, с. 98-99].

3) *шокар хар үези* букв. 'время пёстрого снега': связано с появлением первых проталин *каранды*. Данное атрибутивное сложное словосочетание зафиксировано в речи носителей овюрского говора (ЦД): *Чазын шокар хар үези* [15, с. 274]. Первый компонент *шокар* 'пёстрый, рябой, пятнистый', 'разрисованный', 'разнородный по составу, сборный' [29, с. 577] – монгольское заимствование, см. *цоохор* 'пёстрый, пятнистый, рябой' [4, с. 262], и общетюрк. *хар* 'снег' [33, с. 284]. Последний компонент – монг. *үези* в посессивной форме 3 л., см. монг. *үе* 'время', 'час' и под. [3, с. 391].

в) с пробуждением животного мира. В разговорной речи пожилых людей часто встречаются следующие выражения:

1) *койгун хамнаар үе* букв. 'время, [когда] шаманит заяц'. Сложное атрибутивное словосочетание состоит из следующих основ: *койгун* [коьйгун] 'заяц/ заячий' [29, с. 244], сложно судить об общетюркском происхождении данного слова, т.к. его соответствия не встречаются в др. тюркских языках; гл. *хамнаар*

‘шаманить’ [Там же, с. 466] – от имени *хам* ‘шаман/шаманский’ [Там же], см. общетюрк. *қам* ‘шаман’, ‘колдун’, ‘прорицатель’ и под. [33, с. 240-242]; монг. *үе* ‘время’ [3].

Например, говорят: *Койгун хамнай берди, хар эришр дей берди – деп, кырган авам омак-хөглүг чугаалаарын ам-даа сактып келир мен* [7, с. 351] / ‘До сих пор помню, как бабушка [моя] весело говорила: Заяц начал шаманить, снег вот-вот растает’.

2) *өрге эдер үе* букв. ‘время, [когда] цокает суслик’. Сложное атрибутивное словосочетание состоит из следующих компонентов: *өрге* ‘суслик/сусликовый’ [29, с. 339], в тоф. *өрге* ‘суслик’ [12, с. 259]. Э. В. Севортян предположил, что тув. *өрге* «возможно, имеет монгольский источник» [19, с. 547]; *эдер* [эьдер] ‘издавать звук’, ‘кричать (о животных)’, *перен.* ‘говорить, болтать’ [29, с. 606], встречается и в тоф. *эьтер* ‘кричать (о животных, птицах)’ [12, с. 171]; монг. *үе* ‘время’ [3].

Например, *Өрге эде берди, сарыг-суглар чуглуп бадар – деп, кырган-авам ханы бодалдыг чугаалаар чүве* [7, с. 351] / ‘Бабушка [моя] задумчиво сказала: Суслик начал цокать, [скоро] ручьи (букв. «жёлтые воды») побегут’.

3) *аңгыр эдер үе* букв. ‘время, [когда] турпан запоёт’. Сложное атрибутивное словосочетание состоит из следующих компонентов: *аңгыр* ‘турпан (птица)’ [29, с. 63] – монголизм, см. *ангир* ‘турпан’ [1, с. 112]; *эдер үе* см. выше.

Например, *Аңгыр эде берди, чанган куштар удавас келир – деп, кырган-авам омак-сергек чугаалаар* [7, с. 352] / ‘Бабушка [моя] весело говорила: Турпан запел, скоро прилетят перелетные птицы’.

4) *түлээр үе* букв. ‘время линьки’. Первый компонент атрибутивного словосочетания *түлээр* ‘линять (о животных весной)’ [29, с. 428], тоф. *түле-* ‘линять (о животных, птицах)’, ‘выпадать (о шерсти, перьях)’: с марта до начала июля линяет шерсть животных, поэтому с середины апреля до конца мая животноводы стараются стричь своих домашних животных.

г) **с трудовой деятельностью людей.** Каждый весенний месяц наполнен определенной работой или занятием.

1) цагаан-нуурские тувинцы март называют *үшкүл үселээр ай* букв. ‘месяц, [охоты] на рябчиков, бегающих по сугробам’ [10]. Первый компонент данного выражения *үшкүл* [үшшүл] зафиксирован также в тофаларском [12, с. 241], лит. *кушкүл* ‘рябчик’ [29, с. 271]. Следующий компонент *үселээр* лит. *үзээлээр* ‘ходить еле-еле, кое-как’ [Там же, с. 446]: в рассматриваемом примере используется в значении ‘охотиться на рябчиков, кое-как передвигающихся по сугробам’. Гл. *үзээлээр* не имеет непосредственных соответствий в других тюркских языках, поэтому сложно судить о его общетюркском происхождении.

2) тувинцы-животноводы март называют *төрүлде үези* букв. ‘время окота’ т.е. месяц окота коз и овец породы меринос, детёныши которых требуют ухода из-за того, что они очень слабенькие, быстро забнут, поэтому окот идет в весеннее время [10]. Первый компонент атрибутивного словосочетания *төрүлде* ‘окот’ [29, с. 420], производная основа *төрү-* ‘рожать (о женщине)’, ‘давать приплод (о животных)’, ‘класть яйца (о птице)’, ‘родиться’ [Там же] встречается во многих тюркских языках, см. *төре-* с основным значением ‘рождаться’ [17, с. 283]; монг. *үе* ‘время’ [3, с. 391].

В тувинском языке наравне с рассмотренными примерами активно используется заимствованное слово *март*, др.-русск., ст.-слав. *мартъ* [31, с. 575].

В один из последних дней марта (21 марта), в день весеннего равноденствия *дун-хун дуртунуң деңнежир үези* букв. ‘время сравнения долготы ночи и дня’, большинство тюркских народов справляет праздник нового года. Первый компонент данного устойчивого словосочетания выражен общетюркскими словами *дун-хун* ‘ночь-день’, см. *gün* ‘день’, ‘солнце’ и *dün* ‘ночь’ [21, с. 77, 81]; *дуртунуң* в посессивной форме 3 л., Р.п. ~ *дурт:* *хун дурту* ‘долгота дня’ [29, с. 184], в тоф. *туьрһу* ‘долгота’ [12, с. 144], ср. монг. *урт* ‘длина’, ‘долгота’, ‘продолжительность’ [3, с. 348]; гл. *деңнежир* совм.-взаимн. от *деңне-* ‘достигать какого-л. уровня, сравняться с чем-л.’ [29, с. 157] – производное от общетюрк. *дең* с основным значением ‘равный, равно’ [18, с. 192]; монг. *үе* ‘время’ [3, с. 391].

Второй месяц весны – *дөрт ай* ‘апрель’

Второй месяц весны в тувинском языке обозначается синтаксически несвободным словосочетанием *дөрт ай* букв. «четвёртый месяц», т.е. четвёртый месяц календарного года ‘апрель’, второй месяц весны [14, с. 31]: атрибутивное словосочетание состоит из двух общетюркских компонентов, см. *дөрт* [төрт] ‘четыре’ [17, с. 284] и *ай* ‘месяц’ см. выше.

В качестве синонима фразеосочетания *дөрт ай* в разговорном тувинском языке и диалектах используются следующие выражения, связанные:

а) **со временем наступления** второго весеннего месяца *частың ортаа айы* букв. ‘весны средний месяц’, т.е. второй месяц весны, например, говорят: *Частың ортаа айы эргилээн* [15, с. 405] / ‘Средний месяц весны кончается (букв. постарел)’.

Устойчивое словосочетание *частың ортаа айы* состоит из следующих компонентов: сущ. *частың* в форме Р.п. от тюрко-монг. *час* ‘весна’ [18, с. 71]. Второй компонент *ортаа* ‘средний’ [28, с. 327] – производный от общетюрк. *орта-* с основным значением ‘с(е)редина’ [19, с. 474]. Главное слово словосочетания *айы* является общетюркским, см. *ай* ‘луна’, ‘месяц’ [Там же, с. 98].

б) **с природно-климатическими особенностями:** *дош бадар үе* [тошь паьдар үйэ] букв. ‘время ледохода’: сложное атрибутивное словосочетание состоит из общетюркских *дош* ‘лёд, льдина’ [24, с. 216], *бадар/бат-* ‘спускаться, идти (ехать) вниз’, ‘опускаться, снижаться’ [23, с. 197] и монг. *үе* ‘время’ [3, с. 391].

в) с **трудоустройством людей**: *ыдалаар ай* букв. «месяц натравливания (собаки на зверя)», атрибутивное словосочетание зафиксировано в тоджинском диалекте [11, с. 289; 32, с. 68-69], в цагаан-нуурском говоре (Монголия) [9, с. 50; 10].

Ыдалаар [ыгда:ла:р] 'пускать по следу за зверем, натравливать (собаку)', 'натравливать, напускать', 'наильно засылать' [29, с. 592] от общетюрк. *ыт-* 'отправлять, отослать, послать', 'пускать' и под. [13, с. 240] и общетюрк. *ай* 'месяц' [19, с. 98-99].

В тувинском языке наравне с рассмотренными примерами активно используется заимствованное слово *апрель*, др.-русск., ст.-слав. *априль* [30, с. 82].

Последний месяц весны – *беш ай* 'май'

Последний месяц весны в тувинском языке обозначается синтаксически несвободным словосочетанием *беш ай* букв. «пятый месяц», т.е. пятый месяц календарного года 'май', последний месяц весны [29, с. 46]: атрибутивное словосочетание состоит из двух общетюркских компонентов, см. *беш* [пэш] 'пять' [16, с. 126] и *ай* 'месяц' см. выше.

В качестве синонимов фразеосочетания *беш ай* в разговорном тувинском языке и диалектах используются следующие выражения, связанные

а) **со временем наступления** третьего весеннего месяца:

1) *частың адак айы* букв. 'весны последний месяц', т.е. последний месяц весны, например, говорят: *Частың адак айы дүшкен.* / 'Наступил последний месяц весны'.

Устойчивое словосочетание *частың адак айы* состоит из следующих компонентов: сущ. *частың* в форме Р.п. от тюркско-монг. *час* 'весна' [18, с. 71]. Второй компонент *адак* 'низ, нижняя часть', 'неглубокий, мелкий', 'последний' [27, с. 63], по предположению Б. И. Татаринцева, скорее всего, является общетюркским словом [23, с. 56]; общетюрк. *айы* букв. «[ее (весны)] месяц» в посессивной форме 3 л. [19, с. 98].

2) *орай чазын бук* 'поздней весной', т.е. в последний месяц весны: атрибутивное словосочетание состоит из прил. *орай* 'поздний/поздно' [29, с. 324], монголизм, см. *орой* 'вечер', 'поздно', 'глубокий, поздний' [2, с. 490]; *чазын* 'весной' – старая форма инструментального падежа на -н производной от тюркско-монг. *час*, см. *йаз* 'весна' [18, с. 71].

б) с **природно-климатическими** особенностями:

1) *көк бурү үези* букв. 'время синей листвы', т.е. месяц молодой травы, зелени. Атрибутивное словосочетание состоит из общетюрк. основ *көк* см. *гөк* 'небо', 'голубой', 'лазурный', 'синий', 'зелёный', 'трава, зелень' и под. [17, с. 67]. В тувинском языке основное значение данного слова 'синий', а в рассматриваемом примере оно обозначает цвет молодой листвы [29, с. 257]; *бурү* 'лист (дерева, растения)', в других тюркских языках используется также в значении 'почка' [23, с. 316] и монг. *үе* 'время' [3, с. 391].

2) *шомур айы* 'месяц зеленых ростков, молодой травы', данное выражение зафиксировано в тоджинском диалекте [32, с. 69], в цагаан-нуурском говоре (Монголия) тувинского языка [9, с. 50; 10]: первый компонент атрибутивного словосочетания *шомур* не зафиксировано в словарях тувинского языка, в тоджинском диалекте используется в значении 'зелёный росток', 'молодая трава' [32, с. 69], в тоф. *шомур бот.* 'почка, бутон', 'серёжка (у дерева)', 'молодые побеги травы' [12, с. 97]; общетюрк. *айы* ~ *ай* [19, с. 98];

2) *бора суг үези* букв. 'время серой воды': во время прибывания воды в реках ее цвет мутнеет. Первый компонент атрибутивного словосочетания *бора* 'серый', 'сивый (о масти лошади)' – монголизм [23, с. 253]; общетюрк. *суг* с основным значением 'вода' [35, с. 325] и монг. *үе* 'время' [3, с. 391]. Рыболовы *бора суг үези* считают самым удачным временем.

3) *үер үези* букв. 'время половодья', т.е. время весеннего разлива рек. Компоненты тюркского изафета выражены монголизмами – сущ. в форме неоформленного Р.п. *үер*, сущ. в посессивной форме 3 л. *үези*, см. *үер* 'половодье, разлив', 'наводнение', 'поток' [Там же, с. 392], *үе* 'время' [Там же, с. 391].

в) с **пробуждением животного мира**

1) *хек эдер үе* букв. 'время [когда начнет] куковать кукушка', например, говорят: *Хек эдип турда, шеңне чечээ частыр* [7, с. 355] / Когда начинает куковать кукушка, распускается дикий пион. Атрибутивное словосочетание состоит из трех компонентов *хек* 'кукушка' [29, с. 473], в тоф. *хек* 'кукушка' [12, с. 38]; *эдер* [эздэр] 'издавать звук', 'кричать (о животных)' [29, с. 606], зафиксирован также в тофаларском *эйтэр* 'кричать (о животных, птицах)', в якутском *эт-* 'говорить', 'куковать', 'гремять (о громе)', в узбекском *разг. эт-* 'говорить, сказать' [13, с. 183]; монг. *үе* 'время' [3, с. 391].

2) *сыын мыйызы дүжсер үе* букв. 'время, [когда] отпадают маралы рога' – это последние недели мая месяца. Сложное атрибутивное словосочетание состоит из следующих компонентов: *сыын* 'марал (самец)' [29, с. 399] зафиксирован в др.-тюрк. *сийун* 'марал самец' [5, с. 503]; *мыйызы* ~ *мыйыс* 'рог/роговой', 'панты' [29, с. 305] – общетюркское слово [26, с. 206; 35, с. 93]; *дүжсер* [түжсэр] / *дүш-* 'спускаться, слезать, сходить', *прям.* и *перен.* 'падать, выпадать, опадать' и под. [29, с. 186] – общетюркское слово с основным значением 'падать, упасть, свалиться' [17, с. 330; 24, с. 303]; монг. *үе* 'время' [3, с. 391].

г) с **трудоустройством людей**: 1) *часкы тарылганың изиг түлүк үези* 'страдная горячая пора весеннего сева', т.е. разгар весеннего сева. Сложное атрибутивное словосочетание состоит из следующих компонентов: *часкы* образовано от тюркско-монг. *час* 'весна' [18, с. 71] + общетюрк. аф. *-кы*, обозначающего времена года [20, с. 118]; сущ. в форме Р.п. *тарылганың* 'сев/посевной', 'посадки/посадочный', 'пахота/пахотный', 'прививка, вакцинация' [29, с. 408] – производная от общетюрк. *тары-* 'сеять', 'пахать', и под. [17, с. 157-159]; *изиг* [изьиг] 'жара/жар', 'жаркий/горячий' [29, с. 203], в тоф. *исиг* 'жара' [12, с. 148]; *түлүк* 'разгар, наивысшее напряжение', 'горячий, напряженный, страдный' [29, с. 427], в тоф. *түлүк* 'разгар' [12, с. 232].

2) *кыргызда үези* букв. 'время стрижки' овец (июнь), коз (10-15 апреля), тюркский изафет состоит из следующих компонентов: сущ. *кыргызда* [кыргызда] 'настриг', 'стрижка' [29, с. 279] в форме неформленного Р.п. от гл. основы *кыргыз-*, который соответствует общетюрк. *кырк-* с основным значением 'стричь' [25, с. 411; 34, с. 236]; монг. *үе* 'время' [3, с. 391].

3) *кажсаа коптарар үе* букв. 'время снимать [кизяк] овчарни': в конце апреля и в начале мая животноводы снимают кизяк овчарни. Сложное атрибутивное словосочетание состоит из следующих компонентов: *кажсаа* 'двор, хлев', 'ограда, забор' [29, с. 217], монголизм, см. *хашиаа(н)* 'забор', 'ограда', 'двор' и под. [4, с. 73]; *коптарар* [коьптарар] 'снимать (верхний слой чего-л.); снимать, вскапывая' и под. [29, с. 252]. Б. И. Татаринцев предположил, что тув. *коптар-* по своей семантике близок к общетюрк. *коп-* 'отрывать', 'отделяться' и является каузативной формой *копар-*, образованный архаичным вариантом афф. *-тыр* [18, с. 68; 25, с. 200] и монг. *үе* 'время' [3, с. 391].

4) *чазаглаар үе* букв. 'время перекочёвки на весеннее стойбище'. Атрибутивное словосочетание состоит из гл. *чазаглаар* 'перекочёвывать на весеннее стойбище' [29, с. 509], производная *чазаг* 'весеннее стойбище' образована от тюркско-монг. *час* 'весна' [18, с. 71] и монг. *үе* 'время' [3, с. 391].

В тувинском языке наравне с рассмотренными примерами активно используется заимствованное слово *май*, блр. *май*, др.-русс., ст.-слав. *май* [31, с. 559].

Таким образом, в тувинском языке при обозначении весенних месяцев используется древнетюркская система – наименование месяцев порядковыми числительными. В качестве синонимов используются диалектные, просторечные, заимствованные слова и выражения, связанные а) со временем наступления весеннего месяца; б) с природно-климатическими особенностями Тувы; в) с пробуждением животного мира; г) с трудовой деятельностью тувинцев.

Список сокращений

афф. – аффикс;	под. – подобное;
блр. – болгарский;	прил. – прилагательное;
букв. – буквально;	прям. – прямое;
гаг. – гагаузский;	р.п. – родительный падеж;
гл. – глагол;	см. – смотри;
др.-русс. – древнерусский;	совм.-взаимн. – совместно-взаимный;
др.-тюрк. – древнетюркский;	ср. – сравни;
кирг. – киргизский язык;	ст.-слав. – старославянский;
л. – лицо;	сущ. – существительное;
лит. – литературный;	тоф. – тофаларский;
мн.ч. – множественное число;	тув. – тувинский;
монг. – монгольский;	тюркско-монг. – тюркско-монгольское;
общетюрк. – общетюркское;	якут. – якутский.
перен. – переносное;	

Список литературы

1. **Большой академический монгольско-русский словарь:** в 4-х т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2002. Т. 1. 488 с.
2. **Большой академический монгольско-русский словарь:** в 4-х т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2002. Т. 2. 514 с.
3. **Большой академический монгольско-русский словарь:** в 4-х т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2002. Т. 3. 440 с.
4. **Большой академический монгольско-русский словарь:** в 4-х т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2002. Т. 4. 510 с.
5. **Древнетюркский словарь** / ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука, 1969. 676 с.
6. **Кара-оол Л. С.** Понятие «месяц» в тувинском языке: зимние месяцы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 12 (54): в 4-х ч. Ч. 4. С. 93-97.
7. **Кенин-Лопсан М. Б.** Чогаалдар чындзызы: роман, тоожу, чечен чугаалар (Сборник сочинений: роман, повесть, рассказы). Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1993. 384 с.
8. **Кунаа А. Ч.** Звуковая система современного тувинского языка. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1957. 56 с.
9. **Куулар Е. М., Сувандин Н. Д.** Тыва дылда иви ажыл-агыйының лексиказы (Лексика оленеводства в тувинском языке). Кызыл: РИО ТувГУ, 2014. 128 с.
10. **ПМА** – Полевые материалы автора разных лет.
11. **Потапов А. П.** Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука, 1969. 404 с.
12. **Рассадин В. И.** Тофаларско-русский словарь. Русско-тофаларский словарь. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1995. 288 с.
13. **Рассадин В. И.** Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1971. 252 с.
14. **Русско-тувинский словарь** / под ред. Д. А. Монгуша. М.: Русский язык, 1980. 664 с.
15. **Сарыг-оол С. А.** Ангыр-оолдуң тоожузу (Повествование Ангыр-оола): роман: в 2-х кн. Кызыл: Тув. кн. изд-во им. Ю. Кюнзегеша, 2008. Кн. 1-2. 438 с.
16. **Севортян Э. В.** Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на букву “Б”. М.: Наука, 1978. 352 с.
17. **Севортян Э. В.** Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на буквы “В”, “Г”, “Д”. М.: Наука, 1980. 396 с.
18. **Севортян Э. В.** Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на буквы “Ж”, “Й”. М.: Наука, 1989. 294 с.
19. **Севортян Э. В.** Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. 768 с.
20. **Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З.** Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку: МААРИФ, 1979. 304 с.

21. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 2001. 822 с.
22. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 2002. 768 с.
23. Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2000. Т. 1. А – Б. 344 с.
24. Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2002. Т. 2. Д – Й. 388 с.
25. Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2004. Т. 3. К – Л. 440 с.
26. Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2008. Т. 4. М – П. 442 с.
27. Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2003. Т. 1. А – Й. 599 с.
28. Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2011. Т. 2. К – С. 798 с.
29. Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. 648 с.
30. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / пер. с нем. и доп. академика РАН О. Н. Трубачёва. М.: Прогресс, 1986. Т. 1. (А – Д). 576 с.
31. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / пер. с нем. и доп. академика РАН О. Н. Трубачёва. М.: Прогресс, 1986. Т. 2. (Е – Муж). 672 с.
32. Чадамба З. Б. Тоджинский диалект тувинского языка. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1974. 136 с.
33. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на букву “К” (~ Г), “К” / отв. ред. Г.Ф. Благова. М.: Языки русской культуры, 1997. Вып. 1. 364 с.
34. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские лексические основы на букву “К” / отв. ред. Г. Ф. Благова. М.: Индрик, 2000. 264 с.
35. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские лексические основы на букву “Л”, “М”, “Н”, “П”, “С”: / отв. ред. А. В. Дыбо. М.: Восточная литература, 2003. 448 с.

CONCEPT “SPRING” IN THE TUVINIAN LANGUAGE: SPRING MONTHS

Kara-ool Lyubov' Salchakovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Tuvan State University
lkaraool61@mail.ru

The article discovers the meaning of the concepts “spring”, “spring month” in the context of the Tuvian linguistic worldview and identifies the basic lexical means to express it. Along with the generally accepted spring month names the author examines the dialectal and colloquial forms fixed during the dialectological expeditions and in the analyzed literature.

Key words and phrases: concept “spring month”; lexemes; expressions; ezafe; all-Turkic; dialect word; colloquial form; etymology.

УДК 81

В статье анализируются тексты немецких социологов в рамках речевой стратегии скрытого воздействия «учет автором осведомленности/неосведомленности получателя в теме текста при актуализации причинных отношений» с целью выявления индивидуальных и стереотипных особенностей их речевого поведения. Данный анализ проводится на основе выбора авторами-социологами расчлененной (придаточное предложение) и обобщенной (предложно-падежная конструкция) форм выражения причинных отношений. Этот выбор отражает представление автора об уровне осведомленности читателя в теме социологического исследования. На индивидуальные особенности в речевом поведении авторов указывают существенные отклонения планов осведомленности/неосведомленности от среднеречевых показателей.

Ключевые слова и фразы: стереотипное речевое поведение; речевая стратегия; фоновые знания; речевой план актуализации причинных отношений; малая синтаксическая группа; среднеречевые показатели.

Кацитадзе Инна Мангуровна, к. филол. н.
Христианова Наталья Валерьевна, к. филол. н.
Южный федеральный университет
mangurowna@yandex.ru; nkhr75@mail.ru

К ВОПРОСУ О СТЕРЕОТИПНЫХ И ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ АВТОРОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ НЕМЕЦКИХ СОЦИОЛОГОВ)

Изучение речевого поведения представителей различных профессиональных групп людей относится к числу важных вопросов современных лингвистических исследований и способствует оптимизации речевого взаимодействия. Диагностирование стереотипных и индивидуальных особенностей речевого поведения авторов-социологов может осуществляться, с нашей точки зрения, в рамках прагмалингвистики при помощи речевой стратегии скрытого воздействия «учет автором осведомленности/неосведомленности адресата в теме текста при актуализации причинных отношений», которая реализуется посредством выбора автором текста одного из планов-вариантов: 1) плана неосведомленности адресата, реализующегося в виде придаточных причинных предложений; 2) плана осведомленности адресата, который актуализируется в виде предложно-падежных конструкций [5, с. 163]. Подобный выбор осуществляется отправителем текста автоматически и отражает представление автора об уровне осведомленности читателя в теме социологического исследования.